

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.018
УДК 811.161.1'373.23 + 94(100)“05/...” + 801.81

Владислава Вардиц
Потсдамский университет
Потсдам, Германия

РУССКОЕ ИМЯНАРЕЧЕНИЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ СДВИГОВ

Автор статьи исходит из того, что современная антропонимика успешно интегрирует данные смежных областей знаний, в частности культурной и политической истории, т. е. обогащается в том числе и за счет исследований междисциплинарного характера. Подобный комплексный подход позволяет, в частности, реконструировать внелингвистические механизмы в динамике антропонимикона. Так, в представленной статье рассмотрены изменения русской антропонимической парадигмы, обусловленные сменой векторов политической, идеологической, культурной и религиозной идентичности в исторической перспективе Нового времени (1700–1920-е гг.). Цель исследования состоит в установлении связи между конкретными феноменами имянаречения и прецедентными именами, событиями и текстами политической, культурной и религиозной жизни. Механизмы антропонимических сдвигов проиллюстрированы в статье на примере отдельных имен, социально значимых в определенных исторических рамках. Материалом для наблюдений, основанных на междисциплинарных методах культурной антропологии, послужили в первую очередь именные указатели к собраниям сочинений деятелей науки и культуры и биографические словари. В качестве иллюстративного материала в статье фрагментарно привлекались и примеры прагматических стратегий имянаречения в художественных произведениях (литература, оперное искусство, кинематограф). Предварительная интерпретация материала обнаруживает такие основные тенденции в русском антропонимиконе Нового времени, как европеизация *vs* русификация, модернизация *vs* архаизация, а также их синтез. Названные тенденции остаются ключевыми вплоть до наших дней

© Вардиц В., 2019

и прослеживаются в определенном, свойственном той или иной эпохе наборе (или корпусе) имен, в их частотности и в особенностях их социолингвистического распределения. В статье на диахронном материале исследования также подтверждаются социолингвистические выводы о том, что новые имена, только входящие в обиход, обладают выраженной социальной специфичностью, которая нейтрализуется по мере нарастания их частотности. Дальнейшая разработка темы предполагает в том числе и статистическую верификацию предварительных выводов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русское имяназачение, причины антропонимических сдвигов, европеизация, архаизация, Новое время, культурная парадигма, идентичность.

— ...его пугает мысль, что впредь до кончины он будет именоваться не иначе как сэръ Лемуэль.

— Неужели его имя — Лемуэль?

— Боюсь, что да, сэръ.

— Воспользовался бы вторым именем.

— Второе его имя — Генгульфус.

— Бог ты мой, Дживс! — покачал я головой, вспомнив о своем дяде Томасе Портарлингтоне. — По-моему, кто-то мутит воду в источнике, из которого проистекают имена, вам не кажется?

— Несомненно, сэръ.

П. Г. Вудхаус. «Дживс и феодальная верность»

1. К постановке проблемы

В последние десятилетия ономастика, в том числе и славистическая, активно занимается разработкой методологических и терминологических идей и концепций [Матвеев, 2005; Смольников, 2005; Brendler, 2008; Naumann, 2011], а также концептуальным осмыслением, в частности диалектной топонимике, ср. анализ структуры пространства наивной картины мира на материале диалектных топонимов в работе [Березович, 2000].

Все большее внимание в новой ономастической парадигме, которая активно интегрирует как методы корпусной лингвистики, так и идеи смежных гуманитарных дисциплин, уделяется антропонимике. Однако, как отмечает Е. Л. Березович, антропонимические исследования, особенно междисциплинарной направленности, относительно редки в ряду современных ономастических изданий [Березович, 2005, 169]. В этом контексте особенно обращают на себя внимание работы, которые рассматривают систему русского имяназачения из социолингвистической перспективы, с опорой на лингвостатистические и лингвосоциологические

методы [Шайкевич, 1996; Голомидова, 2005], или из перспективы исторической семантики имени [Литвина, Успенский, 2006; Именослов; Молчанов, 2003]. Названные работы показывают, что имянаречение как комплексный феномен одновременно является частным аспектом как истории языка¹, так и социолингвистики, или социологии имени (*Namensozilogie*) [ср.: *Namensozilogie*]. Кроме того, имянаречение — это и зона языковых и культурных контактов, несмотря на то что оно практически не осознается как таковое, а история имянаречения — это в том числе история культурных предпочтений, которая отражается в языке. В связи с этим примечательны работы Ф. Дебуса, который на материале немецкого языка рассматривает влияние языковых контактов на современное имянаречение [Debus, 1988], а также анализирует изменения немецкой антропонимической парадигмы сквозь призму истории культуры с VIII в. и по сегодняшний день [Debus, 2008, 266 и далее].

Очевидно, что антропонимика в силу своей социальной значимости занимала и занимает особое место в системе речевого этикета и — как его часть — подвергается культурно-языковому нормированию. В свете сказанного неудивительно, что антропонимическим исследованиям присущ как дескриптивный, так и прескриптивный характер, а издаваемые именословы или словари имен нацелены на решение прикладных задач. Так, в предуведомлении редакции к «Словарю русских личных имен» Н. А. Петровского отмечено, что составитель придерживается весьма своеобразных взглядов на систему русских имен, поэтому его словарь ни в коей мере нельзя считать нормативным [Петровский, 1966, 5].

Как показывают прагмалингвистические исследования языковых изменений и сдвигов (*language changes*), система собственных имен, как и система обращений и речевого этикета в целом [Ankenbrand, 2013; Вардиц, 2013; Warditz, 2017], наиболее чувствительна к внелингвистическим, т. е. общественным, политическим, идеологическим и социокультурным изменениям. При этом внелингвистическое воздействие на систему антропонимов и на имянаречение как на прагмалингвистическую деятельность проявляется как в общественном дискурсе, который в той или иной мере берет на себя регулирующую, нормативную функцию, так и в палитре индивидуальных предпочтений.

Названные аспекты воздействия тесно взаимосвязаны. Основания индивидуальной идентичности, создаваемой посредством имянаречения, продиктованы, как правило, не только сугубо личными мотивами, но и соотносятся с актуальным

¹ Так, М. Фасмер включил в «Этимологический словарь русского языка» [Фасмер] некоторые имена собственные, например имена греческого и древнееврейского происхождения: *Кирилл*, *Методий*, *Матвей* и *Марк*, — известные русской книжной традиции как имена первоучителей и евангелистов. Тем не менее в центре немецкой славистической ономастики остается историческая топонимика (ср. [Trautmann, 1939] и публикации серии «*Germania Slavica*», 1995–2007), а этимологический подход Фасмера квалифицируется как непоследовательный [Черных, 1, 10–11].

антропонимиком, который, в свою очередь, регулируется идеологическими (или даже политическими), социокультурными и конфессиональными установками той или иной социальной группы.

Так, пафос строительства новой жизни и создания нового человека после Октябрьской революции 1917 г. повлек за собой и создание новой парадигмы имен, утверждаемой за счет вытеснения имен старорежимных, архаичных и простонародных. Ср. имена нарицательные, ставшие в постреволюционную эпоху антропонимами: названия минералов (*Рубин, Гранат*), химических элементов (*Радий, Гелий*), а также такие образцы революционного имятворчества, как *Марлен, Вилен, Ревмир, Ким* или *Рой* [Петровский, 1966]. Резонанс этой семантической антропонимизации отчетливо прослеживается по сей день в именах известных деятелей науки и культуры 1930–1940-х гг. р. и в отчествах их детей. Так, главный герой кинофильма «Еще раз про любовь» (1968), физик во втором поколении, носит имя *Электрон*, предпочитая, впрочем, чтобы его называли по фамилии, видимо, осознавая одиозность своего уникального имени.

Примером проявления культурных предпочтений, произрастающих из сплетения индивидуальных и общественных установок (*attitudes*), являются и принятые в XIX в. в дворянской среде англизированные уменьшительно-ласкательные формы от русских «паспортных» имен: *Китти* от *Екатерина*, *Долли* от *Дарья* и под., см. личные имена персонажей в «Войне и мире» Льва Толстого или, например, выражение франкофонной социокультурной ориентации у матери Татьяны Лариной, которая «звала *Полиною* Прасковью» (А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»).

Доказательством того, что имя является носителем культурных, социальных, идеологических и конфессиональных смыслов, является и тот факт, что необходимость в смене имени вызвана, как правило, ситуацией культурного взрыва, сменой культурных парадигм и общественных формаций². В подобных обстоятельствах наиболее ярко проявляются дополнительные свойства имени, т. е. его культурные, конфессиональные, социальные коннотации. Однако они могут быть сознательно задействованы и в периоды эволюционного развития языка и культуры. Так, имя может быть использовано как выражение идеологической лояльности, ср. художественное осмысление подобной антропонимической стратегии в одном из произведений Сергея Довлатова, который описывает ситуацию имянаречения новорожденного 400 000-го жителя Таллинна, призванное продемонстрировать сохранность культурных традиций титульной нации в национальной республике СССР:

² Ситуации предписанной смены имени при постриге или при переходе в другую конфессию, а также частично добровольной, частично вынужденной смены или адаптации имени при переезде (эмиграции) в другую страну в представленной статье не рассматриваются.

Турунок сказал:

— Вот и отлично. Договоритесь, чтобы ребенка назвали Лембитом³.

— Генрих Францевич, — взмолился я, — кто же назовет своего ребенка Лембитом! Уж очень старомодно. Из фольклора...

— Пусть назовут. Какая им разница?! Лембит — хорошо, мужественно и символично звучит... В юбилейном номере это будет смотреться (С. Довлатов. «Компромисс»).

Представленное в статье исследование описывает механизмы антропонимических сдвигов, вызванные сменой векторов политической, идеологической, культурной и религиозной идентичности в исторической перспективе Нового времени (1700–1920-е гг.). Исследования культурных предпочтений на русской ономастической почве охватывают, как правило, или древнерусский период, или же современность (XX–XXI вв.), и период Нового времени оказывается наименее изученным в истории русского имянаречения⁴.

Цель исследования заключается в том, чтобы установить связи между конкретными феноменами имянаречения и прецедентными именами, событиями и текстами политической, культурной и религиозной жизни рассматриваемого периода. Объектом рассмотрения стали при этом обстоятельства и источники заимствования имен на русской почве в диахронном срезе, а также их социолингвистическая дистрибуция. Материалом для анализа, основанного на междисциплинарных методах культурной антропологии [Brendler, 2008, 82–83], послужили биографические сведения в общедоступных источниках — именные указатели к собраниям сочинений деятелей науки и культуры, биографические словари деятелей петровского, пушкинского времени, а также личные наблюдения автора. Кроме того, в статье в качестве иллюстративного материала фрагментарно использован инструментарий литературной ономастики и ономастики других художественных произведений (фильм, опера). Механизмы антропонимических сдвигов рассмотрены в рамках статьи на примере отдельных имен, социально значимых в определенном историческом контексте. Дальнейшая разработка темы предполагает в том числе и статистическую верификацию предварительных выводов.

³ Лембит — национальный герой Эстонии начала XIII в., вождь эстов в борьбе с немецкими завоевателями в период Ливонского крестового похода. Фактически противостоял как немецкой католической, так и русской православной колонизации и христианизации.

⁴ Исключение составляет, пожалуй, фундаментальный труд А. Б. Пеньковского, который на материале литературных текстов, мемуаров, дневников и дружеской переписки начала — середины XIX в. реконструирует культурный миф, сложившийся вокруг имени *Нина* и бытовавший вплоть до 1920-х гг. [Пеньковский, 2003].

2. Смена культурных парадигм и русский антропонимикон

2.1. Антропонимические тенденции в допетровской Руси

Как было показано выше, антропонимическое поле чутко реагирует на политические и культурные изменения в государстве и обществе. Для России таковыми оказались, в частности, переломные моменты в направлении развития страны — от сближения с наиболее развитыми христианскими государствами Европы до противостояния им и подчеркнутой русификации. В заданных соответствующим курсом рамках происходили изменения и в антропонимиконе, появлением новых имен свидетельствуя о смене культурных и социально-политических предпочтений и отмечая то своеобразную модернизацию, то архаизацию как самих предпочтений, так и общественного и индивидуального сознания в целом. Приведем ряд примеров, иллюстрирующих отмеченные тенденции.

Так, роль политического и культурного «европейского» ориентира для Древней Руси выполняли Византия и новые христианские государства *Slavia Christiana* (в первую очередь Болгария) [Живов, 2002, 83–84], т. е. источником пополнения русского антропонимикона служила восточно-христианская система имен. Еще и до официального крещения Руси Болгария как образец нового, христианского обустройства жизни⁵ поставляла образцы и в области династической антропонимики (так, личные и крестильные имена *Борис*, *Давид*, *Петр*, *Роман* среди потомков князя Владимира заимствованы из болгарского династического антропонимикона [Литвина, Успенский, 2006, 477–478]), и в области ойконимики, ср. версию происхождения Переяславля Русского (первое летописное упоминание в 907 г.) как следствие культурно-конфессиональных контактов между *Slavia Meridionalis* и *Slavia Orientalis* в дохристианской Руси [Вардиц, 2018].

В процессе христианизации Руси такая практика имянаречения, очевидно, становилась обычной, а после официального крещения Руси приняла характер антропонимического сдвига, зафиксированного на примере имен первых русских князей [Литвина, Успенский, 2006; Пчелов, 2007]. И сами князья, и их дети имели два имени: языческое славянское и крестильное греческое, причем христианские имена первых русских князей соответствовали именам византийских императоров и болгарских царей. Это, очевидно, отсылало к духовному и историческому преемству нового православного славянского государства по отношению к крупнейшей восточно-христианской державе и на равных вводило их в круг других славянских христианских государств. Так, княгиня Ольга, крестница византийского императора Константина Багрянородного, стала *Еленой*. Князь Владимир принял

⁵ Согласно убедительным аргументам В. М. Живова [2002], в рамках формирования самостоятельной славянской христианской общности *Slavia Christiana* Болгария может рассматриваться как образец нового, христианского обустройства жизни для сопредельных славянских государств в процессе их постепенной христианизации и распространения кирилло-мефодиевской традиции.

имя *Василий* — имя не просто христианское и императорское, но производное от *василевс* (греч. βασιλέως), т. е. «дважды императорское», к тому же крещение было совершено в храме св. Василия в Корсуни. Киевский князь Святополк Окаянный получил в крещении имя *Петр*, его брат Ярослав Мудрый — *Георгий*. Внук последнего князь Владимир Мономах в крещении также был *Василием*.

Обратимся к следующему примеру, иллюстрирующему противоположную антропонимическую тенденцию. С началом татаро-монгольского нашествия, когда единственной уцелевшей структурой, легитимной и общепризнанной основой национального самосознания на русских территориях осталась православная церковь, произошли изменения в традиции имянаречения князей. Славянские языческие имена исчезли, к XV в. полностью уступив место христианским греческим и еврейским именам: *Андрей*, *Александр*, *Феодор*, *Иоанн*. При этом сохранялась традиция двуименности, но уже не язычески-христианской, а с двумя христианскими именами: «прямого», личного — в честь святого, в день памяти которого человек появился на свет, и официального — с учетом связываемых с его будущей ролью амбиций или преемственности [см.: Литвина, Успенский, 2004]. Очевидно, что в условиях татаро-монгольского господства и сокращения контактов с Византией произошла если не архаизация, то определенная «консервация» комплекса имен в русском антропонимиконе.

Политические изменения и смена культурной парадигмы, а с ней и очередные изменения в антропонимических предпочтениях пришлось на вторую половину XV в., когда Русь вернулась в семью христианских народов как самостоятельное государство. Этому способствовали, в частности, такие события политической истории, как освобождение от ига, второй брак Ивана III с византийской принцессой Софьей Палеолог и появление выходцев из Византии, бежавших от османского завоевания. Свидетельством нового геополитического статуса Руси в антропонимическом аспекте стала византинизация (а в рамках тогдашней ситуации — европеизация) имен. Так, дети великого князя получали византийские императорские имена: *Евдокия*, *Феодосия*, *Елена*, *Ирина*, *Софья*, *Дмитрий*, *Алексей*, которые постепенно проникали и в другие слои общества. Здесь налицо социолингвистическое продвижение имени «сверху вниз» и расширение социальной сферы его функционирования [Шайкевич, 1996], отмеченное на диахронном материале.

Следующим поводом для появления европейских имен в системе русской антропонимики стала «культурная революция» XVII в. (книгопечатание, театр, переводная литература, европейское платье, предметы домашнего обихода), связанная с расширением культурных и религиозных контактов с Западной Европой. Начиная со Смутного времени эти контакты в значительной степени осуществлялись через посредство Речи Посполитой и малороссийских земель, которые долгое время находились в орбите западноевропейского культурного мира. Свидетельством освоения нового сегмента европейского антропонимического поля в его украинском и польском вариантах может служить появление

имен *Лев, Екатерина, Григорий, Кирилл, Наталья*, т. е. христианских имен, дававшихся в честь западноевропейских пап и святых, а также святых, чтимых в южнославянских и южнорусских землях.

2.2. Русский антропонимикон Нового времени

Об антропонимиконе собственно Нового времени можно говорить начиная с Петра I. Решительная модернизация всех сфер жизни государства и общества с ускоренным освоением европейского опыта привели к тому, что «несовременные» русские и византийские имена были потеснены именами общеевропейскими и общехристианскими. Это видно на примере дочерей самого императора — *Анны* (1708 г. р.) и *Елизаветы* (1709 г. р.), названных именами английских и французских королев. Таким образом, традиция имянаречения в честь предков и сохранения имен из национального корпуса здесь уступает место воплощению идеи имянаречения в честь равных по статусу европейских властителей, с которыми Россию связывали политические интересы.

Предварительная интерпретация материала обнаруживает такие тенденции в изменениях русской антропонимической парадигмы Нового времени, как европеизация vs русификация, модернизация vs архаизация, а также их синтез. Названные тенденции находят воплощение как в самом появлении или социальном продвижении определенных имен, так и в их частотности и социальной дистрибуции, т. е. в формировании определенной антропонимической моды, наделяющей социальным и культурным престижем те или иные имена. Примечательно, что в подобных процессах обновления или перераспределения корпуса имен могут быть задействованы различные механизмы, обуславливающие антропонимические предпочтения.

Так, с благоволением Петра I пленному пастору Глюку и его семье, в доме которых в Лифляндии жила Марта Скавронская (будущая императрица Екатерина I), очевидно, связано утверждение в качестве светского европейского имени *Маргарита*, которое в качестве монашеского имени использовалось и ранее. Его носила одна из дочерей пастора, ставшая женой первого в России обер-штальмейстера Р. Кошелева. В свою очередь, в честь Маргариты Кошелевой это имя носили ее дочь и правнучка — Маргарита Волконская (1720-е г. р.) и Маргарита Тучкова (1780 г. р.), жена героя Бородинской битвы Н. Н. Тучкова-второго. Примечательно, что оно так и не вышло в свободное «антропонимическое» обращение, оставаясь родовым именем в изначально католических или старообрядческих семьях. Так, его носила меценатка Маргарита Морозова (1883 г. р.), названная в честь матери, католички немецкого происхождения, и бабушки по отцу, происходившей из армянского рода. Художница и писательница Маргарита Волошина (1882 г. р.), первая жена поэта М. Волошина, также была названа в честь матери, происходившей из старообрядческой купеческой семьи.

В развитие петровских реформ период правления Екатерины II также был отмечен курсом на европеизацию русской жизни, который был, однако, уравновешен возвращением национального начала, что непосредственно отразилось и в антропонимике.

С одной стороны, усиление внешнеполитической и культурной ориентации России на Францию эпохи Просвещения, проведение активной внешней политики на южном направлении и «греческий проект» императрицы, а также появление значительного числа эмигрантов из балканских греков и французской аристократии создали моду сначала на греческие имена, а затем на французские. В императорской семье, а вслед за ней и в семьях дворян получают распространение греческие имена *Елена*, *Константин*, *Александр*, *Александра*. Упомянутые имена — это имена внуков самой Екатерины II, но все они широко представлены и в дворянском окружении Пушкина, т. е. в поколениях начиная с 1770-х гг. р. [Черейский, 1976]. Волна галломании, захватившая и постекатерининское время, породила моду на французские имена — фактически западно-христианские, присутствующие в общехристианских святцах, но обретшие особый статус в системе русского имянаречения благодаря их бытованию именно во Франции. Так в России вошло в обиход имя *Евгений*, ставшее привлекательным благодаря тому, что его носил пасынок Наполеона принц Евгений Богарнэ, ср. имя поэта Евгения Баратынского (1800 г. р.).

С другой стороны, подчеркнутое внимание к «русскости», демонстрируемое императрицей Екатериной II для легитимизации ее правления в противовес «немецкости» ее свергнутого супруга, выразилось и в поощрении ею обращения к национальной истории, и в появлении литературных произведений на исторические темы, где реальные имена персонажей соседствовали с именами условно-историческими. Перу самой императрицы принадлежала драма «Историческое представление из жизни Рюрика» (1786), посвященная мифическому предводителю новгородцев в восстании против Рюрика Вадиму. Это положило начало целому ряду литературных произведений о Вадиме: в 1789 г. появилась трагедия Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», далее поэма А. С. Пушкина «Вадим» (1822), дума К. Ф. Рыльева «Вадим» (1825), стихотворная повесть М. Ю. Лермонтова «Последний сын вольности» (1831). В реальном имянаречении имя *Вадим* получил сын поэта и партизана Д. В. Давыдова (1832 г. р.). Екатерина II внесла дополнение из русской истории и в именованье российских царских и императорских имен, дав имя *Ольга* своей внучке (1792 г. р.). Таким образом, наметилась первая волна архаизации антропонимикона как дань определенным политическим амбициям и предромантическим интеллектуальным устремлениям.

Поддерживавшийся почти всеми правителями в XVIII — начале XIX в. курс на модернизацию (читай — европеизацию) русской культуры сделал ее открытой европейским влияниям и моде, а подчиненное положение церкви привело к ослаблению позиций последней в государстве и в обществе, так что в числе прочего

она перестала строго контролировать имянаречение. Поэтому к началу XIX в. появляются не просто забытые, но никогда в России не бытовавшие имена. Охвативший Европу интерес к античному римскому наследию, начавшийся с раскопок Помпей и Геркуланума в 1760-х гг. и усилившийся в период сложения и расцвета Первой империи во Франции, а в рамках распространения стиля ампир перенесенный и в Россию, привел к появлению в российском именослове имен из римской истории. Их носили, например, фрейлина *Антонина* Блудова (1813 г. р.), историк и этнограф *Помпей* Батюшков, младший брат поэта Батюшкова (1811 г. р.), дочь поэта и партизана Д. В. Давыдова *Юлия* (1820-е гг. р.).

В начале XIX в. русская романтическая литература и течение национального романтизма подхватили и развили начатую Екатериной II тенденцию романтической «архаизации», поспособствовав ее ретроспективному расширению. Романтизация исторического прошлого привела к появлению или воскрешению в художественной литературе имен *Светлана* (в балладе В. А. Жуковского), *Людмила*, *Руслан*, *Олег*, *Владимир* (в творчестве А. С. Пушкина), *Игорь* (герой стал известным читающей публике в 1802 г. благодаря «Слову о полку Игореве», 1180 г. ?). Таким образом, в русский именослов возвращаются языческие имена, но возвращаются в прециозном облики романтических литературных имен.

Бытуя сначала в качестве имен литературных, они через некоторое время благодаря своей исторической подоплеке оказались востребованными и в практике имянаречения, чему в определенной степени способствовала обстановка царствования императора Николая I. Речь идет об общей направленности на культивирование национальной самобытности и укрепление авторитета России как ведущей православной державы и опоры православия в мире. Так, в течение второй половины XIX в., особенно после празднования 1000-летия России в 1862 г., в антропонимический обиход возвращаются казавшиеся архаичными и поэтому воспеты романтиками имена *Владимир*, *Олег*, *Игорь*, *Ростислав*. Примечательно, что мода на эти ставшие прецедентными имена с соответствующим культурно-историческим ореолом появляется в это время и в императорской семье (великий князь *Олег* Романов (1892 г. р.) и великий князь *Игорь* Романов, 1894 г. р.), и в дворянской среде (поэт *Игорь* Северянин, 1887 г. р.), и в богемно-разночинской (композитор и пианист *Игорь* Стравинский (1882 г. р.) и брат композитора *Роман* Стравинский, 1874 г. р.). Имя *Игорь* получает при рождении востоковед Игорь Дьяконов (1914 г. р.), сын петербургских интеллигентов.

В период символизма, обратившегося к забытым или малоизвестным пластам античной и средневековой культуры и возродившего их в значительно романтизированном виде, в России также начинается увлечение именами героев литературных и музыкальных произведений. Существовая и до того, они приобретали популярность именно благодаря включению их в определенный символический дискурс с мифологическим или апокрифическим подтекстом. Это явление можно

выделить как отдельный феномен синтетического имянаречения в рамках европеизации и архаизации одновременно.

Так, после появления оперы Шарля Гуно «Фауст» (1859), практически сразу ставшей невероятно популярной, имя *Валентин* вошло в обиход и стало даваться детям из интеллигентных семей. Его носили художник Валентин Серов (1865 г. р.), священник, публицист и богослов Валентин Свенцицкий (1881 г. р.), философ Валентин Асмус (1894 г. р.), писатель Валентин Катаев (1897 г. р.), сын писателя Л. Андреева, художник Валентин Андреев (1912 г. р.), писатель Валентин Пикуль (1928 г. р.), историк и археолог Валентин Янин (1929 г. р.).

К числу имен, обретших новую жизнь благодаря художественному произведению, принадлежит *Ариадна*. Его носила, например, исследовательница Пушкина и политический деятель Ариадна Тыркова-Вильямс (1869 г. р.). Но популярность оно приобрело после появления знаменитых поэтических «Дионисийских дифирамбов» Ф. Ницше с «Жалобой Ариадны» (1889), в эпоху расцвета символизма в начале XX в. В это время имя получили, например, дочь композитора Ариадна Скрябина (1905 г. р.), переводчица Ариадна Чернова-Сосинская (1908 г. р.), переводчица и мемуаристка Ариадна Эфрон (1912 г. р.), писательница-фантаст и переводчица Ариадна Громова (1916 г. р.).

Еще одним источником своеобразной архаизации через возрождение старых имен и введение их в обиход стали народное почитание подвижников и церковные канонизации. Так, в честь умершей в начале XIX в. местночтимой петербургской блаженной *Ксении* давались имена уроженкам Петербурга, но популярным в масштабах страны имя стало после того, как в честь блаженной была названа великая княжна Ксения (1875 г. р.), дочь Александра III. При этом официальная канонизация последовала только в 1988 г.

Имя *Серафим* также стало популярным в начале XX в., в процессе подготовки канонизации Серафима Саровского, последовавшей в 1903 г. С этим именем постригались многие монахи в следующие десятилетия: от будущего митрополита Ленинградского Серафима (Чичагова) в 1898 г., написавшего житие преподобного и проводившего подготовку к его прославлению, и до преподобного Серафима Вырицкого, принявшего это имя в 1929 г. Автору статьи лично знакомы представители московской интеллигенции, родившиеся в конце 1920-х – 1930-х гг. и носящие отчество *Серафимович*. Их отцы, родившиеся в 1900–1910-е гг., получили светские имена как раз в честь преподобного.

Такая же ситуация сложилась и вокруг имени *Палладий*. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Палладий (Раев), умерший в 1898 г., не канонизирован, но популярность его у паствы с рабочих окраин Петербурга была столь велика, что среди потомков этих семей, появившихся на свет на рубеже XIX–XX вв., были носители имени *Палладий*, дети которых также лично знакомы автору.

Имена *Римма* и *Инна*, появившиеся в 1880-е гг. на юге России, отсылали к трем готским мученикам, проповедовавшим христианство в Причерноморье,

на территории Скифии. Исследования [Голубинский, 1880–1911] отождествили с местом их мученического подвига Крым, а с местом упокоения мощей — Алушту. Отсюда имя *Инна* у уроженки Одессы, сестры Анны Ахматовой Инны фон Штейн (1885 г. р.), имя *Римма* у героини Первой мировой войны, сестры милосердия Риммы Ивановой (1894 г. р.) из Ставрополя и у дочери организатора расстрела царской семьи в Екатеринбурге Риммы Юровской (1898 г. р.) из Феодосии, прославившейся организацией комсомольского движения на Урале и на юге России. Благодаря последней оно стало особенно популярным в 1920–1930-е гг. Имя *Инна* получило распространение тогда же, очевидно, в результате контаминации с именем *Инесса*, дававшимся в честь революционной деятельницы Инессы Арманд, умершей в 1920 г.

3. Заключение

В статье рассмотрены механизмы антропонимических сдвигов, вызванные сменой векторов политической, идеологической, культурной и религиозной идентичности в исторической перспективе Нового времени. При этом в фокусе внимания оказываются такие тенденции имянаречения, как европеизация *vs* русификация и модернизация *vs* архаизация, а также их синтез.

Предварительные наблюдения над динамикой русского антропонимикона Нового времени позволяют установить связи между конкретными феноменами имянаречения и прецедентными именами, событиями и текстами политической, культурной и религиозной жизни. Кроме того, на диахронном материале статьи подтверждаются социолингвистические наблюдения о том, что новые имена, только входящие в обиход, обладают большой социальной специфичностью. Завоевав признание в высшей социальной группе, новые имена распространяются в массах, при этом по мере нарастания их частотности нейтрализуется и их выраженный социальный статус.

Источники

- Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М. : Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1880–1911.
Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М. : Сов. энцикл., 1966.
Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л. : Наука, 1976.

Исследования

- Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.
Березович Е. Л. [Рец. на кн.]: Именослов. Заметки по исторической семантике имени / отв. ред. Ф. Б. Успенский. — М. : Индрик, 2003. — 280 с. // Вопр. языкознания. 2005. № 2. С. 168–172.
Вардиц В. Формы обращения в русском языке диаспоры как маркеры «своего» и «чужого» // Русский язык сегодня. Вып. 5. Проблемы речевого общения / отв. ред. Н. Н. Розанова. М. : Флинта, 2013. С. 75–81.

- Вардиц В.* Болгарские ойконимы в древнерусской ономастике X в.: к вопросу о путях топонимической трансплантации // *Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress, Belgrad 2018* / Hrsg. S. Kempgen, M. Wingender, L. Udolph. Wiesbaden : Harrasowitz, 2018. S. 341–352.
- Голомидова М. В.* Русская антропонимическая система на рубеже веков // *Вопр. ономастики.* 2005. № 2. С. 11–22.
- Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М. : Языки славянской культуры, 2002.
- Именослов: Заметки по исторической семантике имени / отв. ред. Ф. Б. Успенский. М. : Индрик, 2003.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Сколько христианских имен могло быть у князя Рюрикавича? // *Оппозиция сакральное / светское в славянской культуре* / отв. ред. Л. А. Сафронова, М. В. Лескин. М. : Индрик, 2004. С. 180–213.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М. : Индрик, 2006.
- Матвеев А. К.* Ономастика и ономотология: терминологический этюд // *Вопр. ономастики.* 2005. № 2. С. 5–10.
- Молчанов А. А. Александр:* знаковое имя в династической и культурной традиции // *Именослов: Заметки по исторической семантике имени* / отв. ред. Ф. Б. Успенский. М. : Индрик, 2003. С. 103–111.
- Пеньковский А. Б. Нина.* Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М. : Индрик, 2003.
- Пчелов Е. В.* Антропонимия династии Романовых: основные тенденции и закономерности // *Именослов: Историческая семантика имени.* Вып. 2 / отв. ред. Ф. Б. Успенский. М. : Индрик, 2007. С. 299–344.
- Смольников С. Н.* Актуальная и потенциальная русская антропонимия // *Вопр. ономастики.* 2005. № 2. С. 23–35.
- Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка* : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М. : Астрель, 2003.
- Черных П. Я.* *Историко-этимологический словарь современного русского языка* : в 2 т. 5-е изд. М. : Рус. яз., 2002.
- Шайкевич А. Я.* Социальная окраска имени и его популярность // *Поэтика и стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур* / отв. ред. Н. Н. Розанова. М. : Наука, 1996. С. 265–280.
- Ankenbrand K.* Höflichkeit im Wandel. Entwicklungen und Tendenzen in der Höflichkeitspraxis und dem laienlinguistischen Höflichkeitsverständnis der bundesdeutschen Sprachgemeinschaft innerhalb der letzten fünfzig Jahre (Dissertation). Universität Heidelberg, 2013.
- Brendler S.* *Nomematik: identitätstheoretische Grundlagen der Namenforschung (insbesondere der Namengeschichte, Namenlexikographie, Namensgeographie, Namenstatistik und Namenstheorie).* Hamburg : Baar, 2008.
- Debus F.* *Benennung und Sprachkontakt bei Eigennamen.* Heidelberg : Winter, 1988.
- Debus F.* *Namenkunde und Kulturgeschichte* // *Beiträge zur Namenforschung*, 43. 2008. № 3. S. 255–280. *Namensoziologie. Akten des 18. Internationalen Kongresses für Namenforschung, Trier, 12.–17. April 1993* / Hrsg. D. Kremer. Tübingen : Niemeyer, 1999.
- Naumann H.* *Namen in Sprache und Gesellschaft: theoretische und methodische Probleme der Onomastik.* Hamburg : Baar, 2011.
- Trautmann R.* *Die elb- und ostseeslavischen Ortsnamen.* Bd. 1–2. Berlin : Akademie-Verlag, 1948–1949.
- Trautmann R.* *Die wendischen Ortsnamen Ostholsteins, Lübeck, Lauenburgs und Mecklenburgs.* Neumünster : Wachholtz, 1939.
- Warditz V.* Aleksander Brückners Höflichkeitskonzept (1916): Linguistik oder Ideologie? Linguistische Untersuchung des sprachpolitischen Manifests eines Universalgelehrten // *Zeitschrift für Slawistik*, 62. 2017. № 2. S. 1–19.

* * *

Вардиц Владислава Валерьевна

доктор филологических наук, приват-доцент
Институт славистики, Университет Потсдама
Am Neuen Palais 10, Haus 01,
D-14469 Potsdam, Deutschland
E-mail: warditz@uni-potsdam.de

Warditz, Vladislava Valeryevna

PhD, Assistant Professor
Institute for Slavic Studies,
University of Potsdam
Am Neuen Palais 10, Haus 01,
D-14469 Potsdam, Deutschland
E-mail: warditz@uni-potsdam.de

Vladislava V. Warditz

University of Potsdam
Potsdam, Germany

**RUSSIAN NAME-GIVING OF THE NEW TIME:
SOCIO-CULTURAL AND POLITICAL IDEOLOGICAL MECHANISMS
OF ANTHROPONYMIC SHIFTS**

The author stems from the premise that modern anthroponymy effectively incorporates data from related fields of knowledge, primarily those of cultural and political history, thus getting enlarged through interdisciplinary research. An integrated approach allows one to deduce the extra-linguistic mechanisms which lay behind anthroponymic changes. In the same vein, the present paper focuses on the dynamics within the Russian anthroponymic paradigm caused by the changing vectors of political, ideological, cultural, and religious identity in the historical perspective of the New Time (1700–1920s). The study aims to establish the connection between specific trends in naming and the precedent names, events, and texts of political, cultural, and religious life. The mechanisms of anthroponymic shifts are illustrated by the cases of individual names becoming socially significant in a particular historical context. Using interdisciplinary methods of cultural anthropology, the study builds on textual sources, primarily name indexes to the collections of works by outstanding cultural figures and scholars, and biographical dictionaries. Some examples of pragmatic naming strategies in works of art (literature, opera, cinema) are also provided. Preliminary findings reveal some major trends in the Russian anthroponymic system of the New Age such as Europeization vs. Russification, modernization vs. archaization, as well as their synthesis. These tendencies remain key up to the present day and can be traced and characteristically defined within a set (or corpus) of names relating to the particular epoch, in terms of their frequency and the parameters of the sociolinguistic distribution. The diachronic perspective of the study also supports the sociolinguistic observation that the newly introduced names, which are currently in use, have a pronounced social resonance, which is getting neutralized as their frequency increases. Further development of the topic implies, among other things, statistical verification of preliminary findings.

Key words: Russian name giving, causes of anthroponymic shifts, Europeization, archaization, New Time, cultural paradigm, identity.

- Ankenbrand, K. (2013). *Höflichkeit im Wandel. Entwicklungen und Tendenzen in der Höflichkeitspraxis und dem laienlinguistischen Höflichkeitsverständnis der bundesdeutschen Sprachgemeinschaft innerhalb der letzten fünfzig Jahre* (Doctoral dissertation). Universität Heidelberg.
- Berezovich, E. L. (2000). *Russkaia toponimiia v etnolingvističeskom aspekte* [Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Aspect]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Berezovich, E. L. (2005). [Review of]: Imenoslov. Zametki po istoričeskoj semantike imeni [Imenoslov: Notes on Historical Semantics of the Name (Review)]. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 168–172.
- Brendler, S. (2008). *Nomematik: identitätstheoretische Grundlagen der Namenforschung (insbesondere der Namengeschichte, Namenlexikographie, Namengeographie, Namenstatistik und Namenstheorie)*. Hamburg: Baar.
- Chernykh, P. Ya. (2002). *Istoriko-etimologičeskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language] (5th ed., Vols. 1–2). Moscow: Rus. iaz.
- Debus, F. (1988). *Benennung und Sprachkontakt bei Eigennamen*. Heidelberg: Winter.
- Debus, F. (2008). Namenkunde und Kulturgeschichte. *Beiträge zur Namenforschung*, 43(3), 255–280.
- Golomidova, M. V. (2005). Russkaia antroponimičeskaia sistema na rubezhe vekov [Russian Anthroponymic System at the Turn of the Century]. *Voprosy onomastiki*, 2, 11–22.
- Kremer, D. (Ed.). (1999). *Namensozilogie. Akten des 18. Internationalen Kongresses für Namenforschung, Trier, 12.–17. April 1993*. Tübingen: Niemeyer.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2004). Skol'ko khristianskikh imen moglo byt' u kniazia Riurikovicha? [How Many Christian Names Could Prince Rurikovich Have?]. In L. A. Safronova, & M. V. Leskinen (Eds.), *Oppozitsiia sakral'noe / svetskoe v slavianskoj kul'ture* [Sacred and Secular in Slavic Culture] (pp. 180–213). Moscow: Indrik.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2006). *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv. Dinastičeskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki* [The Choice of the Name among the Russian Princes in the 10th–11th Centuries. Dynastic History in Anthroponymic Perspective]. Moscow: Indrik.
- Matveyev, A. K. (2005). Onomastika i onomatologičeskie terminologičeskii etudi [Onomastics and Onomatology: an Essay in Terminology]. *Voprosy onomastiki*, 2, 5–10.
- Molchanov, A. A. (2003). Aleksandr: znakovoe imia v dinastičeskoj i kul'turnoi traditsii [Alexander: a Landmark Name in the Dynastic and Cultural Tradition]. In F. B. Uspenskij (Ed.), *Imenoslov: Zametki po istoričeskoj semantike imeni* [Imenoslov: Notes on Historical Semantics of Names] (pp. 103–111). Moscow: Indrik.
- Naumann, H. (2011). *Namen in Sprache und Gesellschaft: theoretische und methodische Probleme der Onomastik*. Hamburg: Baar.
- Pchelov, E. V. (2007). Antroponimiia dinastii Romanovykh: osnovnye tendentsii i zakonomernosti [Anthroponymy of the Romanov Dynasty: Main Trends and Patterns]. In F. B. Uspenskij (Ed.), *Imenoslov: Zametki po istoričeskoj semantike imeni* [Imenoslov: Notes on Historical Semantics of Names] (pp. 299–344). Moscow: Indrik.
- Pen'kovskiy, A. B. (2003). *Nina. Kul'turnyi mif zolotogo veka russkoj literatury v lingvističeskom osveshchenii* [Nina. A Cultural Myth of the Golden Age of Russian Literature in the Light of Linguistics]. Moscow: Indrik.
- Shaikevich, A. Ya. (1996). Sotsial'naia okraska imeni i ego populiarnost' [Social Implication of the Name and its Popularity]. In N. N. Rozanova (Ed.), *Poetika i stilistika. Iazyk i kul'tura. Pamiati T. G. Vinokur* [Poetics and Stylistics. Language and Culture. In Memory of T. G. Vinokur] (pp. 265–280). Moscow: Nauka.
- Smolnikov, S. N. (2005). Aktual'naia i potentsial'naia russkaia antroponimiia [Existing and Potential Russian Anthroponymy]. *Voprosy onomastiki*, 2, 23–35.
- Trautmann, R. (1939). *Die wendischen Ortsnamen Ostholsteins, Lübecks, Lauenburgs und Mecklenburgs*. Neumünster: Wachholtz.
- Trautmann, R. (1948–1949). *Die elb- und ostseeslavischen Ortsnamen* (Vols. 1–2). Berlin: Akademie-Verlag.

- Uspenskij, F. B. (Ed.). (2003). *Imenoslov: Zametki po istoricheskoi semantike imeni* [*Imenoslov: Notes on Historical Semantics of the Name*]. Moscow: Indrik.
- Vasmer, M. (2003). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (4th ed., Vols. 1–4). Moscow: Astrel'.
- Warditz, V. (2013). Formy obrashcheniia v russkom iazyke diaspory kak markery “svoego” i “chuzhogo” [Forms of the Russian Language within a Diaspora as Markers of “Friend” and “Foe”]. In N. N. Rozanova (Ed.), *Russkii iazyk segodnia. Vyp. 5. Problemy rechevogo obshcheniia* [Russian Language Today. Vol. 5. Problems of Speech Communication] (pp. 75–81). Moscow: Flinta.
- Warditz, V. (2017). Aleksander Brückners Höflichkeitskonzept (1916): Linguistik oder Ideologie? Linguistische Untersuchung des sprachpolitischen Manifests eines Universalgelehrten. *Zeitschrift für Slawistik*, 62(2), 1–19. <https://doi.org/10.1515/slav-2017-0014>
- Warditz, V. (2018). Bolgarskie oikonimy v drevnerusskoi onomastike X v.: k voprosu o putiakh toponimicheskoi transplantatsii [Bulgarian Oikonyms in the 10th Century Russian Onomastics: on the Ways of Toponymic Transplantation]. In S. Kempgen, M. Wingender, L. Udolph (Eds.), *Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress, Belgrad 2018* (pp. 341–352). Harrasowitz.
- Zhivov, V. M. (2002). *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* [Searches in the Field of History and Prehistory of Russian Culture]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Received 9 March 2018